

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

Н. Д. Миклухо-Маклай

БАЛХСКИЙ ПОХОД ШАХА АББАСА I

В самом конце XVI в. завершилась почти столетняя борьба между Сефевидским государством и узбекской державой Шейбанидов за Хорасан. Усиление мощи Сефевидского государства на рубеже XVI—XVII вв. при шахе Аббасе I (1589—1629), с одной стороны, и феодальные смуты и междоусобия, наступившие в Средней Азии после падения Шейбанидов, — с другой, решили вопрос о владении Хорасаном в пользу Сефевидов. С тех пор, с конца XVI в. и вплоть до крушения власти этой династии в начале XVIII в., Хорасан оставался ее владением. Сменившее в конце XVI в. державу Шейбанидов узбекское государство Джанидов было слишком слабо, чтобы серьезно оспаривать владычество Сефевидов в Хорасане.

Однако мирные отношения между Ираном и Средней Азией после подпадения Хорасана под власть Сефевидов установились не сразу. Причиной этого послужила политика шахского правительства в Средней Азии. В основе этой политики лежало стремление правящего феодального класса Сефевидского государства захватить или подчинить своему влиянию плодородные земли и богатые города Средней Азии.

Средняя Азия привлекала шахское правительство еще и в другом отношении. Через нее проходили торговые пути, связывавшие Иран с рядом других стран, в частности с Сибирью и Восточным Туркестаном, откуда шли товары, весьма ценившиеся в Иране (например, меха). В качестве посредников в торговом обмене между Ираном и указанными странами выступали среднеазиатские купцы. О посреднической роли Средней Азии, например, в торговле между Ираном и Сибирью достаточно ясное представление дают слова шаха Аббаса I, сказанные русскому послу А. Д. Звенигородскому в 1594 г. «Соболи де и лисицы черные, — заявил шах, — из Сибири в Бухары ходят же, а из Бухар и сюды, в Кызылбаш (т. е. Иран), идет, и здесь де соболи и лисицы черные потому и дешевы» [1, с. 268]. Насколько Сефевидское государство было заинтересовано в торговле с Сибирью через Среднюю Азию, показывает решительное выступление шахского правительства против ограничений русским правительством торгового обмена между Сибирью и Средней Азией, препятствовавших поступлению в Иран сибирских товаров [1, с. 269].

Экспансионистские планы в отношении Средней Азии существовали у шахского правительства еще до подпадения Хорасана под власть Сефевидов [1, с. 441—442]. Эти планы оформились в период отвоевания Хорасана и обострения феодальных смут в Средней Азии, когда, по свидетельству историка Искандара Мунши, у шаха Аббаса I возникла идея «посадить на престол султаната Мавераннахра» [3, с. 407] в качестве своего ставленника одного из шейбанидских царевичей — Мухаммад-Ибрахим-султана, попавшего в плен к кызылбашам.

Сразу же после отвоевания Хорасана шах Аббас I приступил к реализации своих планов. В 1599 г. он направился в Хорасан. Официально целью поездки шаха было паломничество к гробнице восьмого шиитского имама Али-Ризы в Мешхеде, но на самом деле она была вызвана, как указывает Искандар Мунши, необходимостью «упорядочения дел Хорасана и известиями о положении дел Мавераннахра и узбеков» [3, с. 406]. В Средней Азии среди правящих феодальных кругов распавшегося государства Шейбанидов шла тогда ожесточенная борьба, которую шах Аббас и намеревался использовать в своих интересах.

Поездка шаха Аббаса в Хорасан была связана также с его стремлением упрочить свою власть и влияние в северных районах тогдашнего Хорасана (Мерв, Неса, Абиверд, Дурун). Эти районы в то время составляли отдельное узбекское владение, управляемое ставленником шаха Аббаса хорезмийским царевичем Нур-Мухаммад-ханом. Против Нур-Мухаммад-хана из-за его просефевидской политики выступили некоторые местные кочевые племена, в частности найманы, не желавшие усиления шахской власти в этих районах. Шах Аббас, направляясь в Хорасан, ставил своей задачей «помощь Нур-Мухаммад-хану и укрепление его положения» [3, с. 406].

Расчеты шаха Аббаса использовать в своих целях царившие в Средней Азии феодальные смуты и междоусобия, казались, вполне оправдались. Еще до прибытия шаха в Хорасан к нему явились два посольства: одно — из Бухары от Пир-Мухаммад-хана, последнего шейбанидского государя, другое — из Мерва от Нур-Мухаммад-хана. Эти посольства не только помогли шаху Аббасу хорошо уяснить себе политическую обстановку в Средней Азии, но и открыли перед ним широкие перспективы для вмешательства. В Средней Азии к этому времени на первом плане стояла борьба двух группировок узбекской феодальной знати за верховную власть в бывших владениях Шейбанидов. Одну из них возглавлял будущий основатель династии Джанидов (или Аштарханидов) — Баки-хан (1599—1605); другая группировка узбекских эмиров, не желавшая подчиниться Баки-хану, посадила на престол в Бухаре шейбанидского царевича Пир-Мухаммад-хана, который вел до этого отшельнический, дервишский образ жизни и был совершенно не способен управлять государством. Сторонники Пир-Мухаммад-хана стремились заручиться помощью шахского правительства в своей борьбе против Баки-хана. Поэтому и было направлено посольство к шаху Аббасу с просьбой освободить находившегося в Иране шейбанидского царе-

вича Мухаммад-Ибрахима, как единственного уцелевшего представителя династии Шейбанидов, который мог бы наследовать Пир-Мухаммад-хану.

От послов из Мерва шах узнал, что узбекские эмиры в Бухаре, враги Баки-хана, обратились к Нур-Мухаммад-хану с аналогичной просьбой. При этом эмиры указывали, что они возвели на ханский престол Пир-Мухаммад-хана по необходимости, не желая подчиниться Баки-хану, но что Пир-Мухаммад-хан не подходит для их целей, поскольку «он — дервиш, сокровища покоя и тишины предпочитает царским занятиям и деятельности, которые необходимы для управления государством» [3, с. 407]. Поэтому эмиры через Нур-Мухаммад-хана просили шаха Аббаса освободить Мухаммад-Ибрахима, с тем чтобы немедленно возвести его на ханский престол. За это эмиры обещали шаху «соблюдать единение и дружбу между узбеками и кызылбашами» [3, с. 407].

Оба эти предложения, исходившие от одной из боровшихся за власть в Средней Азии феодальных группировок, преследовали общую цель — получить помощь со стороны шахского правительства. Предложения эти, особенно последнее, как нельзя лучше отвечали намерениям самого шаха Аббаса. Он охотно согласился освободить Мухаммад-Ибрахима и отправить его в Среднюю Азию, с полным основанием рассчитывая иметь в лице этого шейбанидского царевича своего ставленника на узбекском престоле.

Однако вскоре в Средней Азии произошли события, разрушившие все эти планы. Пир-Мухаммад был убит в сражении с Баки-ханом, который одержал решительную победу над враждебной ему группировкой узбекской феодальной знати и овладел Мавераннахром.

Победа Баки-хана в Мавераннахре все же не заставила шаха Аббаса отказаться от своих планов в отношении бывших шейбанидских владений; она побудила его лишь несколько изменить свою тактику. Отправка Мухаммад-Ибрахима в Мавераннахр после победы Джанидов была бессмысленной; поэтому шах решил сделать попытку сначала утвердить свою власть в Балхской области, с тем чтобы в случае успеха начать отсюда наступление на Мавераннахр. Орудием для выполнения этого плана должен был послужить все тот же Мухаммад-Ибрахим. Шах Аббас маскировал свои цели и стремился представить свои действия как борьбу за утверждение в Средней Азии власти «законного» претендента на престол, каким являлся шейбанидский царевич Мухаммад-Ибрахим. Стремление шаха Аббаса овладеть Балхом было вызвано не только непосредственной близостью этой области к сефевидскому Хорасану, но и той обстановкой, которая в это время сложилась в Балхе.

Балхская область еще в 1527 г. вошла в состав узбекского государства Шейбанидов [5, с. 196—197]. После распада последнего в Балхе образовалось самостоятельное владение. Местная феодальная знать, стремившаяся к самостоятельности и не желавшая подчиниться различным претендентам, боровшимся за власть в Мавераннахре, поставила правителем этого владения шейбанидского царе-

вича Абд-ал-Амин-хана. Отпадение Балха от Мавераннахра давало шаху Аббасу основания надеяться овладеть без больших затруднений этой областью, выступив «защитником законных прав» шейбанидской династии в лице Мухаммад-Ибрахима.

Однако, прежде чем шах Аббас успел что-либо предпринять в этом направлении, балхская знать сама побудила его вмешаться в дела Балхской области.

Победа Баки-хана в Мавераннахре встревожила балхскую феодальную знать; не рассчитывая собственными силами удержать свою власть против Баки-хана, балхские правящие круги отправили посольство к шаху Аббасу с просьбой о помощи и об освобождении Мухаммад-Ибрахима. Естественно, что шах Аббас немедленно откликнулся на это обращение, поскольку оно вполне отвечало его собственным планам. Он тотчас же присвоил Мухаммад-Ибрахиму звание хана и объявил его своим «сыном», ставя этим шейбанидского царевича официально под свой протекторат. Кроме того, шах написал письмо балхскому правителю Абд-ал-Амину, где указал, что «страна Мавераннахр есть древний юрт и наследственное местожительство потомков покойного падишаха Джани-бек-хана» [3, с. 412] (имеется в виду Шейбанид Джани-бек, умерший в 1528 г., дед знаменитого Абдаллаха II, 1583—1598). Ныне оставшиеся в живых шейбанидские царевичи Мухаммад-Ибрахим и Абд-ал-Амин, говорилось дальше в письме шаха, должны «братски соединиться и направить усилия на овладение наследственным царством» [3, с. 412].

Насколько широки были тогда замыслы шаха Аббаса, свидетельствует то, что он издал указ о передаче Мухаммад-Ибрахиму власти «во всем Мавераннахре и Туркестане» [3, с. 412] и назначил особое войско для сопровождения Мухаммад-Ибрахима в Балх. Однако вскоре шах усомнился в истинных намерениях балхской знати. Он решил повременить с отправкой Мухаммад-Ибрахима и более точно выяснить настоящую обстановку в Балхе. Ему удалось установить, что среди военно-феодальной знати Балха существуют две группировки: одна — сторонников Мухаммад-Ибрахима, другая — сторонников Абд-ал-Амина; при этом сторонники последнего, опасаясь за свою власть, решительно противятся прибытию Мухаммад-Ибрахима в Балх. После долгих совещаний по этому поводу в шахской ставке было достигнуто соглашение, которое должно было примирить обе группировки: за Абд-ал-Амином признавалось старшинство, он объявлялся «старшим братом», а Мухаммад-Ибрахим — «младшим». После завоевания Мавераннахра один из них должен был владеть Бухарой, а другой — Балхом. Шах был недоволен тем, что его ставленнику отводится вторая роль, но вынужден был согласиться, рассчитывая со временем изменить положение. По достижении соглашения с представителями балхской знати шах направил Мухаммад-Ибрахима с кызылбашским войском в Балх.

В Меймене Мухаммад-Ибрахим был встречен представителями балхских властей и двора. Сторонники Абд-ал-Амина, прежде противившиеся приходу Мухаммад-Ибрахима в Балх, увидели, что сопротивляться бесполезно, и вернулись в Балх. Однако и сторон-

ники Мухаммад-Ибрахима решительно возражали против прихода с ним в Балх шахских войск. Они говорили шахским представителям: «Прихода кызылбашских войск [в Балх] не требуется; пусть нам оставят царевича, чтобы узбеки [сами] действовали, как они сочтут нужным для пользы государства» [3, с. 413]. Несомненно, в Балхе среди местной феодальной верхушки происходила ожесточенная борьба за власть. Одна, по-видимому большая, часть балхской знати, недовольная Абд-ал-Амином, решила выдвинуть правителем Мухаммад-Ибрахима. Этим самым она рассчитывала достигнуть господствующего положения в Балхе и заручиться дружеским отношением и даже помощью со стороны шаха. Однако и эта часть знати, как уже указывалось, отнюдь не желала установления там сефевидского владычества, а следовательно, и потери своей самостоятельности.

Шах Аббас, к которому обратились за разрешением этих споров, вынужден был уступить и отказаться от намерения занять Балх своими войсками. Однако приверженцы Мухаммад-Ибрахима взамен этой уступки заключили тайное соглашение с шахскими представителями. По этому соглашению они обязались по прибытии Мухаммад-Ибрахима в Балх свергнуть Абд-ал-Амина и сделать Мухаммад-Ибрахима своим правителем. Когда было получено это обязательство, Мухаммад-Ибрахим с согласия шаха оставил находившиеся с ним в Меймене кызылбашские войска и в сопровождении только своих узбекских приверженцев направился в Балх. Немедленно по прибытии в Балх сторонники Мухаммад-Ибрахима организовали заговор, в результате которого Абд-ал-Амин был убит и Мухаммад-Ибрахим объявлен правителем Балха. Вслед за Балхом власть Мухаммад-Ибрахима была признана и в других прилегающих к Балху местностях — Чечекту, Андхуде, Фарйабе, Шупургане. Таким образом, политика шаха Аббаса увенчалась успехом: его ставленник Мухаммад-Ибрахим стал правителем обширной области, составлявшей одну из важнейших частей бывшего Шейбанидского государства.

Как упоминалось выше, наряду с планами использовать смуты в Средней Азии шах Аббас в 1599 г., направляясь в Хорасан, ставил задачей укрепление своей власти в северных районах этой области, входивших тогда в состав отдельного узбекского владения, во главе которого стоял хорезмийский царевич Нур-Мухаммад-хан. Положение последнего было очень трудным. С одной стороны, он был ставленником шаха и признавал себя его вассалом. Шаху Аббасу Нур-Мухаммад-хан в значительной мере был обязан восстановлением своей власти в Мерве и в других районах (Абиверд, Неса, Дурун) после распада державы Шейбанидов в конце XVI в. (1598 г.), почти одновременно с подпадением Хорасана под власть Сефевидов. Искандар Мунши писал, что Нур-Мухаммад-хан «овладел [своей] наследственной областью благодаря шахскому счастью и помощи слуг падишахова кортежа» (т. е. кызылбашских войск) [3, с. 406]. Другой современный той эпохе сефевидский автор, Джунабади, также указывал, что Нур-Мухаммад-хан «стал правителем в своей стране

благодаря рабской покорности раздающему царства падишаху» (т. е. шаху Аббасу) [2, л. 347б]. Конечно, здесь налицо преувеличения сефевидских авторов, но все же не приходится отрицать факта помощи шахского правительства Нур-Мухаммад-хану при восставлении им своей власти в Мерве.

С другой стороны, понятная в этих условиях просефевидская политика Нур-Мухаммад-хана вызвала недовольство местного оседлого населения и кочевых племен, отнюдь не желавших установления у себя иноземного влияния и господства. Недовольство это было обложено в довольно обычную для тех времен и условий религиозную форму. Так, Искандар Мунши писал о племени найманов: «Те люди (найманы), заметив в его (Нур-Мухаммад-хана) поведении кызылбашский образ действий, вступили с ним в распрю и вражду» [3, с. 40б].

Позднее, как мы увидим, уже после разрыва с шахским правительством, во время переговоров с шахом, Нур-Мухаммад-хан объяснял свою нелояльность в отношении шаха давлением на него местного суннитского населения, враждебного усилению власти шиитского государства Сефевидов в этих районах. Во время этих переговоров Нур-Мухаммад-хан через своего посланца сообщил шаху: «Вражда секты (мазхаб) райатов и воинов (т. е. суннитского оседлого населения и кочевых племен Мерва) царствующему мнению (т. е. шаху Аббасу). . . да не будет сокрыта. Когда мы счастьем царства раздающего падишаха (шаха Аббаса) утвердились в древнем жилище в своем коренном юрте (т. е. Мерве), то все люди на том объединились, чтобы мы действовали согласно их исповеданию, а мы — последователи их толка (т. е. суннизма); без этого подчинения и согласия с ними не пришли бы в порядок» [2, л. 329а—329б]. Здесь, конечно, налицо стремление Нур-Мухаммад-хана подчеркнуть религиозные мотивы борьбы и одновременно переложить вину за свои действия на население Мерва, тем самым облегчив свою собственную «вину» перед шахом; однако враждебное отношение местного населения к установлению сефевидского господства не подлежит сомнению, как это убедительно показали дальнейшие события.

Враждебное отношение местного населения к шахскому правительству, безусловно, оказывало также определенное влияние на Нур-Мухаммад-хана и его политику. Помимо приведенного свидетельства по этому поводу самого Нур-Мухаммад-хана в сефевидских источниках есть еще и другие прямые указания на этот счет [2, л. 328а].

Нур-Мухаммад-хан скоро стал настороженно относиться к политике шахского правительства. Он с полным основанием мог опасаться, что усиление позиции Сефевидского государства в Средней Азии приведет если не к прямому захвату шахским правительством его владения, то, во всяком случае, к утере им самостоятельности, которой оно пользовалось в XVI в.

Все эти обстоятельства и побудили Нур-Мухаммад-хана из союзника и вассала шаха Аббаса постепенно превратиться в его скрытого врага. Это изменение в политике Нур-Мухаммад-хана привело, по-

видимому, и к ликвидации тех конфликтов его с местным населением, которые вызывались его просефевидской политикой и которые явились одной из причин поездки шаха Аббаса в Хорасан.

По прибытии в Хорасан шах пригласил к себе Нур-Мухаммад-хана, желая использовать его в своих интересах. Однако Нур-Мухаммад-хан, убедившись к этому времени в широких замыслах шаха, которым он отнюдь не хотел содействовать, и опасаясь его намерений относительно своего собственного владения, упорно уклонялся от визита к шаху. Мало того, он стремился оказать противодействие, правда скрытое, политике шаха Аббаса. Нур-Мухаммад-хан вступил в переписку с упоминавшимся выше балхским правителем Абд-ал-Амином и всячески предостерегал его относительно планов шаха Аббаса; в частности, он предостерегал Абд-ал-Амина от соглашения с шахом и советовал ему ни в коем случае «не соглашаться на прибытие Мухаммад-Ибрахима [в Балх] и не пускать кызылбашей [в Балх], так как цель шаха в отправке его (Мухаммад-Ибрахима в Балх) заключается в том, чтобы посредством его [самому] завладеть Балхом» [3, с. 415]. Наряду с подстрекательством Абд-ал-Амина против шаха Нур-Мухаммад-хан постарался еще укрепить находившиеся под его властью города Мерв и Абиверд на случай столкновения с кызылбашами.

Упорный отказ Нур-Мухаммад-хана прибыть к шаху, естественно, вызвал подозрения шаха. Когда же после убийства Абд-ал-Амина и утверждения в Балхе власти Мухаммад-Ибрахима последний прислал шаху письмо Нур-Мухаммад-хана, адресованное балхскому правителю (цитата из письма приведена выше), эти подозрения превратились в уверенность. Шахское правительство решило покончить с Нур-Мухаммад-ханом, а заодно и с самостоятельностью узбекского владения в Мерве. Такой шаг был вызван, конечно, не одной нежелательностью Нур-Мухаммад-хана, она послужила только поводом. Настоящей причиной являлась общая централизаторская политика, проводимая шахом Аббасом.

Шахские войска соответственно с этим решением направились к Абиверду и Мерву. После осады Абиверд был занят шахскими войсками, которые затем двинулись к Мерву. Нур-Мухаммад-хан не решился продолжать борьбу и вступил в переговоры с шахом. Переговоры закончились капитуляцией Нур-Мухаммад-хана и сдачей Мерва шаху. Нур-Мухаммад-хан был лишен своих владений и отправлен в качестве почетного пленника в Иран (Фарс). Здесь он жил, получая содержание от шахского двора, до своей смерти в 1611 г. (см. также рассказ о захвате Мерва шахом Аббасом I у Абул-Гази [6, с. 259—260]).

Так было ликвидировано самостоятельное узбекское владение с центром в Мерве, возникшее еще в 1536 г. [5, с. 278]. Всюду — в Мерве, Абиверде и других городах — были назначены шахом Аббасом кызылбашские правители.

Население покоренной страны отнеслось к новой власти с недоверием и враждой. Особенно страшил местных суннитов шиитский религиозный фанатизм, как правило достаточно заметный в поли-

тике Сефевидов того времени. «Мервцы и все население той страны, — писал Искандар Мунши, — вследствие различия [в вере] опасались и страшились кызылбашей» [3, с. 417—418]. В связи с этим со стороны шаха последовал особый приказ о том, чтобы «из-за различия в верованиях никого не преследовали» [3, с. 418].

При занятии Мерва местное население не подверглось обычному в те времена грабежу, производимому войсками. «Жители города и крепости [Мерва], — указывал Искандар Мунши, — получили пощаду [своей] жизни и имущества» [3, с. 418]. Вместе с тем шах Аббас, заняв своими войсками Мерв, провел немедленно разоружение местного феодального ополчения. Всем воинам было приказано сдать оружие и уходить, кто куда пожелает; тем же, кто прежде занимался сельским хозяйством, было предложено продолжать им заниматься. Мерв по приказу шаха был укреплен, и там был поставлен сильный кызылбашский гарнизон.

Все эти меры преследовали одну цель — укрепление кызылбашского господства в бывшем узбекском владении. В то же время все изложенные факты, свидетельствующие о недоверии и вражде между шахской властью и местным населением в момент установления сефевидского владычества в Мерве, позволяют сделать определенный вывод о том, что Сефевиды выступали здесь как чужеземные завоеватели и именно как таковые воспринимались населением. Вывод этот очень важен. Он лишний раз убедительно показывает, что средневековое представление об Иране как о единой территории, простиравшейся на северо-востоке вплоть до Амударьи, имело абстрактный, чисто книжный характер и никак не соответствовало конкретной исторической обстановке.

С ликвидацией самостоятельного узбекского владения с центром в Мерве одна из задач, стоявших перед шахом Аббасом, была решена, причем для укрепления своей власти в этих землях Сефевиды имели благоразумие отказаться от обычно проводившейся ими нетерпимой религиозной политики в отношении мусульманского нешиитского (суннитского) населения.

Что же касается Балха, то там образовалось отдельное узбекское владение, правитель которого Мухаммад-Ибрахим находился (как увидим ниже) в вассальной зависимости от шаха. Такое положение давало возможность шахскому правительству осуществлять свое влияние на территории вплоть до левого берега Амударьи.

Однако шахскому правительству не удалось сохранить это положение на сколько-нибудь продолжительный срок. Этому помешало, с одной стороны, восстановление бывлой мощи узбекского государства под властью новой династии — Джанидов, с другой — враждебное отношение местного населения к установлению кызылбашского владычества на территории к югу от Амударьи. Оба эти обстоятельства скоро привели к падению отдельного узбекского государства в Балхе, которое занимало центральное место в среднеазиатской политике шаха Аббаса.

Как мы видели, в свое время феодальная знать Балха вела переговоры с шахом Аббасом I, которые закончились убийством прави-

теля Абд-ал-Амина и заменой его шахским кандидатом на престол — шейбанидским царевичем Мухаммад-Ибрахимом. Этим самым балхская знать стремилась укрепить свое положение и заручиться дружеским отношением и даже помощью со стороны шахского правительства, но в то же время она совсем не желала допустить установления сефевидского владычества в Балхе. Между тем Мухаммад-Ибрахим, став правителем Балха, оказался всецело под влиянием шаха Аббаса. Когда шах Аббас находился в Хорасане, Мухаммад-Ибрахим, по свидетельству Искандара Мунши, «постоянно посылал гонцов к подножию высочайшего престола [шаха Аббаса] и докладывал о каждодневных событиях» [3, с. 418]. Такая зависимость Мухаммад-Ибрахима от шаха Аббаса, естественно, должна была вызвать большое недовольство в Балхе, и это скоро обнаружилось достаточно определенно.

Когда Мухаммад-Ибрахим после непродолжительного правления умер, его преемником стал другой шейбанидский царевич — Йар-Мухаммад-мирза, также являвшийся креатурой шаха Аббаса и еще менее популярный в Балхе, чем Мухаммад-Ибрахим.

Между тем Баки-хану удалось объединить к этому времени (т. е. к 1600 г.) Мавераннахр, и он стал стремиться к распространению своей власти на все бывшие владения Шейбанидов, в том числе и на Балх. Последовавшие в связи с этим события показали, насколько непопулярен был в Балхе шахский ставленник Йар-Мухаммад-мирза, как и сефевидское влияние вообще. Когда Баки-хан узнал о смерти Мухаммад-Ибрахима, он направил в Балх своего брата Вали-Мухаммада. По свидетельству даже сефевидского автора Искандара Мунши, большинство воинов и начальников войск в Балхе (военно-феодалной знати) не пожелало сражаться с Вали-Мухаммадом [3, с. 419]; они покинули Йар-Мухаммад-мирзу и перешли на сторону Вали-Мухаммада. Оставленный почти всеми, Йар-Мухаммад-мирза бежал с группой своих приверженцев и родственников (всего около 300 человек) в сефевидские владения. Вали-Мухаммад занял Балх, а вслед за Балхом и другие зависящие от него районы (Андхуд, Меймене, Шупурган, Чечекту) признали власть Джанидов. Так рисуется события, приведшие к падению отдельного узбекского владения в Балхе, сефевидский историк Искандар Мунши.

Рассказ об этих событиях известного узбекского историка Мухаммад-Йусуфа Мунши носит довольно фантастический характер. Он основан не на действительных исторических фактах, а на устных преданиях, имевших хождение в Балхе в XVII—XVIII вв. При всей своей фантастичности предания эти, однако, заслуживают некоторого внимания. В них, как и в рассказе Искандара Мунши, совершенно определенно зафиксирован факт безусловно враждебного отношения местного населения к шахским ставленникам, правившим в Балхе, а тем самым и к возможности установления власти Сефевидов в этой стране [4, л. 31а и др.].

Занятие Балха Джанидами означало полное крушение планов шахского правительства; тем не менее это отнюдь не заставило его отказаться от своих замыслов. Шах Аббас весьма дружески принял

беглецов из Балха во главе с Йар-Мухаммад-мирзой и решил оказать им всяческую помощь.

Между тем Баки-хан, овладев Балхом и желая упрочить свою власть в бывших владениях Шейбанидов, был заинтересован в установлении мирных отношений с шахским правительством. С этой целью, а также желая разведать намерения шахского правительства, Баки-хан направил шаху Аббасу в 1601 г. дружеское послание. В связи с этим посланием у шаха, по-видимому, появилась надежда достигнуть своих целей дипломатическим путем. Но в то же время, как видно, шах вынужден был считаться с фактом установления в Средней Азии власти Джанидов; поэтому теперь он сократил свои притязания и, по существу, ограничил их одной только Балхской областью. При этом свои истинные намерения шах тщательно скрывал, выступая под маской «защитника» прав представителей династии Шейбанидов.

В ответном послании к Баки-хану шах Аббас писал узбекскому правителю, что в свое время Мухаммад-Ибрахим овладел Балхом и «был подчинен нашим августейшим приказам» [3, с. 422]. «Ныне, — указывал шах, — у нас нет стремления (букв. „жадности“) к захвату той области (т. е. Балха)» [3, с. 422]; однако, продолжал шах, «из родственников Мухаммад-Ибрахим-хана и семейства Абдаллах-хана осталось два ребенка» [3, с. 422], которых следует как-то обеспечить. Поэтому, писал далее шах, он желал бы, чтобы «область Балх и прилегающие к ней земли, которые принадлежали Мухаммад-Ибрахим-хану, принадлежали бы им» [3, с. 423]. Напомнив затем Баки-хану, что он уже завладел Мавераннахром и Туркестаном, шах советовал ему этим ограничиться и не притязать на большее. Шах указывал Баки-хану, что ему следует малолетних представителей династии Шейбанидов «признать своими младшими сыновьями и братьями и предоставить им область Балх и округа этой (левой) стороны реки (Амударьи), а самому удовольствоваться странами Мавераннахра и Туркестана» [3, с. 423]. В заключение шах писал: «Если Баки-хан согласится с августейшим помыслом и не пожалеет им (шейбанидским царевичам) этой жалкой области (т. е. Балха), [это] будет причиной довольства его высочайшего царского величества (т. е. шаха) и доброй славы его (Баки-хана); мы также его (Баки-хана) признаем братом и окажем ему любую помощь и содействие, которые во всех отношениях будут необходимы» [3, с. 422]. Таково было содержание шахского послания Баки-хану; заканчивалось оно угрозами по адресу Баки-хана, если тот не примет шахских предложений.

Весь текст послания красноречиво свидетельствует о настоятельности притязаний шахского правительства на Балхскую область. Стремление к захвату ее было, конечно, не случайным: это была плодородная, богатая естественными ресурсами и экономически развитая область.

Через Балхскую область проходили имевшие исключительно важное значение для Средней Азии пути, связывающие последнюю с Индией, а через нее и с другими странами. Дело в том, что в связи с постоянной борьбой Сефевидского государства с узбекскими хан-

ствами, а затем и с преобладанием португальцев на Персидском заливе старинный караванно-морской путь из Средней Азии через Иран (именно через Исфахан—Хормуз—Персидский залив) в Индию был для государств Средней Азии в XVI в. почти закрыт. Поэтому первостепенное значение приобрел путь, связывавший Среднюю Азию с Индией через Балх, так же как и пути вдоль северного побережья Каспийского моря или через Мангышлак и Каспий, связывавшие Среднюю Азию с Россией.

Отсюда понятно, что шахское правительство, овладев Балхом, не только получало весьма выгодные военно-стратегические позиции, дававшие ему возможность угрожать основным тогдашним центрам узбекского государства — Бухаре и Самарканду, но и смогло бы захватить в свои руки один из важнейших узлов караванных путей из Средней Азии. Все это позволяло в еще большей степени изолировать Среднюю Азию от внешнего мира, поставить ее в зависимое положение, чего шахское правительство в конечном счете и добивалось. Такая политика проводилась вполне сознательно, что достаточно ясно видно из следующего факта. Уже упоминалось, что шахское правительство, заинтересованное в получении сибирских товаров, особенно мехов, шедших через Среднюю Азию и Иран, выступало с просьбой перед русским правительством о разрешении свободной продажи этих товаров среднеазиатским купцам. Однако в то же время шахское правительство решительно настаивало на запрещении ввоза в Среднюю Азию тех товаров, ввоз которых мог бы усилить могущество среднеазиатских государств; в первую очередь это относилось к оружию и военному снаряжению.

По этому вопросу шах Аббас I в 1594 г. говорил русскому послу А. Д. Звенигородскому: «В том бы государь ни в чем заповедати не велел в торговле (речь идет о продаже среднеазиатскими купцами сибирских мехов. — *Н. М.-М.*), лишь бы велел государь заповедати воеводам своим, чтоб бухарским людям не продавали ратных доспехов и иные никакие ратные сбруи» [1, с. 269].

С упомянутым выше письмом шахский посланец явился в Бухару, где был весьма дружески принят Баки-ханом. Последний согласился, на словах, рассматривать покровительствуемых шахом шейбанидских царевичей как своих сыновей и братьев и назначить соответствующие владения для их содержания. Однако в действительности, как выяснил шахский посол, Баки-хан был отнюдь «не согласен отдать Балх и зависимые от него земли» [3, с. 423] шейбанидским царевичам и намеревался в случае их прибытия обойтись с ними, как он сочтет для себя нужным. Это не удивительно: все причины, толкавшие шахское правительство на захват Балха, в одинаковой степени побуждали Баки-хана этому сопротивляться.

Когда окончательно выяснилась неудача переговоров с Баки-ханом, шах Аббас решил добиваться осуществления своих планов силой оружия. Его прежнее намерение оказать поддержку шейбанидским царевичам и добиться того, чтобы «область Балха и округа этой (левой) стороны реки (Амударьи), которые близки к Хорасану и [которые раньше] принадлежали Мухаммад-Ибрахим-хану, при-

надлежали бы им» [3, с. 427], осталось неизменным. С целью осуществить это намерение шах Аббас решил предпринять поход на Балх.

В 1602 г. началась подготовка к Балхскому походу. В Хорасане, в Бадгисе, была собрана значительная армия, общей численностью 50 тыс. человек, с большой по тем временам, в особенности для Ирана, артиллерией в 300 пушек, не считая прислуги, базарного люда и обоза.

Одновременно с военной шла и политическая подготовка к походу на Балх; она имела задачей придать выступлению шахского правительства характер борьбы за поправные права Шейбанидов. С этой целью шейбанидские царевичи, в свое время бежавшие из Балха после прихода туда Вали-Мухаммада, были привлечены шахом к участию в походе на Балх. По приказу шаха одному из них, Джахангиру, присвоили звание хана, а другого, упоминавшегося выше Йар-Мухаммад-мирзу, сделали его аталыком (регентом). Был издан особый указ на имя Джахангира о передаче ему во владение Балха. Кроме того, была принята еще одна мера, имевшая целью привлечь на сторону шаха кочевую знать племен Балхской области. «Вышел приказ, — писал по этому поводу Искандар Мунши, — чтобы Йар-Мухаммад-мирза от имени Джахангира также послал ярлыки (указы) начальникам племен и их обнадежил бы царскими милостями» [3, с. 428].

Когда все приготовления были закончены, шахская армия выступила по направлению к Меручаку, откуда продвинулась к Чечекту и затем направилась к Андхуду. По прибытии к Андхуду встал вопрос, осадить ли крепость или прямо идти на Балх. Вопреки мнению некоторых военачальников шах настоял на необходимости осады и взятия Андхуда, что обеспечило бы связь между продвигающейся вперед армией и оперативной базой шаха в Хорасане. Шах указывал, что, если Андхуд не будет взят, «проход из Хорасана в высокую орду (т. е. ставку шаха) будет затруднителен» [3, с. 429].

Шахские войска произвели обстрел города из 300 пушек и затем штурмовали его. Очень скоро жители города и правивший Андхудом от имени Баки-хана Мумин-бий убедились в невозможности дальнейшей борьбы и вступили в переговоры с шахом, предложив сдать Андхуд при условии дарования жизни осажденным. Шах Аббас охотно принял эти условия. На имя правителя Андхуда Мумин-бия и жителей города он издал указ, в котором, по словам Искандара Мунши, говорилось: «Наш августейший поход в эту страну произошел только для помощи и поддержки джанибековых царевичей (т. е. потомков Шейбанида Джани-бека, деда Абдаллах-хана II), и у нас нет устремления к этой области (т. е. к Балху). Никогда не имея в справедливых [наших] помыслах [ничего], кроме благополучия и спокойствия всех людей и рабов божьих, мы поддерживаем полный мир со всеми общинами (имеются в виду религиозные общины), и нам нет никакого дела до веры и религии кого бы то ни было. Истинность этих слов была им (т. е. андхудцам) показана на примере людей Мерва, Несы и Абиверда, поскольку со времени, когда они

(т. е. упомянутые выше города) вошли во власть и владение нашего славного государства, в мечетях и храмах сунниты и шииты ведут себя по своим правилам и обычаям и никому из них не делалось и не делается предложений, которые были бы противны их мнениям» [3, с. 429—430].

Отметив таким образом свою веротерпимость в отношении суннитского населения, шах предлагал Мумин-бию и находившимся с ним воинам перейти на службу к шахским ставленникам, шейбанидским царевичам, или оставить Андхуда и вернуться в Мавераннахр. Что же касается мирных жителей Андхуда, то они получали от шаха гарантию в полной безопасности своей жизни и имущества; в шахском указе говорилось, чтобы «райаты и бедняки спокойно занимались своим делом, поскольку победоносное войско им не причинит никакого ущерба» [3, с. 430].

Этот указ шаха весьма интересен. Он показывает, что шах Аббас отнюдь не рассчитывал достигнуть осуществления своих целей только силой оружия, но и стремился добиться известного расположения местного населения. Вместе с тем шахское заявление красноречиво свидетельствует, как подозрительно и враждебно относилось местное население к Сефевидам. Это достаточно ясно видно из того, что шах Аббас должен был, скрывая свои настоящие намерения, объявить, что его поход на Балх отнюдь не преследует завоевательных целей, и обещать местному населению, в своей массе суннитскому, религиозную терпимость, столь не свойственную обычной политике Сефевидов в отношении суннитов.

Получив шахский указ, правитель Андхуда Мумин-бий сдал город шаху Аббасу, который немедленно занял его своими войсками. Мумин-бию, не принявшему шахского предложения перейти на службу к шейбанидским царевичам, разрешили вернуться в Мавераннахр к Баки-хану. Шах использовал это, чтобы через Мумин-бия снова обратиться к Баки-хану с предложением довольствоваться Мавераннахром и Туркестаном и не притязать на Балх, который должен остаться за Шейбанидами.

После занятия Андхуда решался вопрос о дальнейших действиях. Шах считал, что нужно как можно быстрее идти на Балх и его взять. Однако представители узбекской знати, находившиеся в свите шейбанидских царевичей, настаивали на медленном продвижении шахских войск, обосновывая свое возражение следующим образом: «Узбекские племена, которые долгие годы являлись слугами рода Абдаллах-хана, для пользы времени и для защиты своего положения избрали поддержку Баки-хана и ему подчинились и покорились. Ныне, когда победоносный августейший шахский кортеж двинулся в эту сторону, их охватил страх и ужас; решив, что у его величества (шаха Аббаса) есть высокий замысел завоевания областей Мавераннахра и истребления и уничтожения узбеков, они по необходимости объединились вокруг Баки-хана и, насколько возможно, усердствуют в его (Баки-хана) защите. Если для них станет ясным, что его шахское величество, тень божья, не имеет притязаний на эту страну (Балх) и целью этого похода является восстановление [прав] рода

Абдаллах-хана, а [результатом его] будет предоставление той области в руки узбекских эмиров, постепенно они обретут покой, предпочтут отделиться от него (Баки-хана), и мало-помалу люди [Баки-хана] таким путем рассеются и разойдутся. Каждый день, как мы пройдем один фарсах (около 7 км), группа узбеков будет встречать кортеж царевичей» [3, с. 431—432].

Хотя шах Аббас и был против тактики, предложенной узбекским окружением шейбанидских царевичей, тем не менее он ее принял. Это было связано с надеждой шаха преодолеть вражду и недоверие местного населения и заручиться его симпатиями и поддержкой, особенно со стороны узбекской кочевой знати.

Вначале эта тактика, казалось, себя оправдала. Из Балха прибыл небольшой узбекский отряд во главе с неким Мирза-Мухаммад-беком и присоединился к шахской армии, которая медленно продвигалась к Балху. Однако никто больше к шахской армии не присоединялся. В то же время медленное продвижение по безводной местности в страшную жару (поход совершался летом) сильно измучило кызылбашскую армию и вызвало в ней различные заболевания, начавшие быстро распространяться.

С другой стороны, медленное продвижение вперед шахской армии весьма ободряюще действовало на Баки-хана и его сторонников. Их первоначальная растерянность, вызванная походом шаха Аббаса, стала постепенно проходить. Баки-хан, перешедший с войском Амударью, первое время находился в нерешительности, не зная, куда шах направляет свой удар — на Бухару или на Балх. Убедившись в том, что шах направляется к Балху и что продвижение идет весьма медленно, он решил оказать шахской армии сопротивление. Баки-хан прибыл в Балх, построил здесь возле города укрепленный лагерь и стал ожидать прихода шахской армии.

Когда войско Аббаса после 20-дневного утомительного марша достигло Балха, город оказался прикрытым укрепленным лагерьм. Шахская армия расположилась перед этим лагерем. Видя огромное численное и техническое превосходство шахских войск, Баки-хан предпочел оставаться в укреплении. Таким образом, решительного сражения, которого так ожидал шах, не последовало. Обе армии в бездействии стояли друг против друга. Так продолжалось около месяца.

Между тем положение войск Аббаса скоро сделалось очень тяжелым. Снабжать огромную армию, насчитывавшую с обозом до 100 тыс. человек, в тогдашних условиях, естественно, было очень трудно. В армии очень скоро стал испытываться недостаток продовольствия. К этому прибавилось другое, еще более страшное бедствие — болезни, которые, начавшись в войсках еще во время похода, теперь все более усиливались и приняли ужасающие размеры. Джунабади объясняет эти массовые заболевания не только страшной жарой, царившей тогда в Балхе, но также и тем, что вода, которой пользовались кызылбаши, была отравлена трупами павших животных [2, с. 332а—332б]. Последствия болезней были для армии катастрофическими. По свидетельству Искандара Мунши, одна треть армии

оказалась больной, одна треть — небоеспособной, т. е. две трети кызылбашского войска фактически были выведены из строя [3, с. 433].

В то же время надежды шахского командования на присоединение какой-либо части местного населения к шахской армии не оправдались.

Положение шахских войск с каждым днем ухудшалось. Спасти армию Аббаса могла только решительная победа. Однако узбекское войско во главе с Баки-ханом не выходило из укрепленного лагеря. Рискнуть штурмовать узбекские укрепления с измученной болезнями и лишениями армией шах Аббас, естественно, не решался; продолжать же стоять перед лагерем узбеков было бессмысленно и даже невозможно в связи со всевозрастающими болезнями в армии и уменьшением продовольствия. В этих условиях шах Аббас, чтобы избежать полной катастрофы, т. е. гибели всей армии, был вынужден отступить из-под Балха.

1 июля 1602 г. началось отступление шахских войск. Ободренные этим, узбеки немедленно перешли в контрнаступление и начали нападать на отходивших кызылбашей. Однако шахской армии, несмотря на трудности, удалось отразить эти нападения и, пройдя утомительный и опасный путь, достигнуть иранской границы в районе Меручака, избегнув, таким образом, полного разгрома и гибели. Укрепив Меручак на случай нападения узбеков, шахская армия двинулась в столицу Хорасана Герат.

Все города и местности, занятые шахом Аббасом во время похода на Балх, после отступления шахских войск снова перешли во владение узбеков. Границы между сефевидскими и джанидскими владениями остались после похода примерно в том же виде, в каком они установились еще в XVI в.

Так закончился Балхский поход шаха Аббаса I. Поход этот, несомненно, явился крупнейшей неудачей шаха — военной и политической. Действительно, с военной точки зрения поход окончился полным провалом, почти катастрофой. Шаху Аббасу не удалось одержать сколько-нибудь значительной победы над противником, к тому же шахская армия понесла огромные потери и едва избежала полного уничтожения. Искандар Мунши, оценивая результаты похода на Балх, писал: «Поистине в этом походе... победоносные войска испытали большие трудности» [3, с. 436]. Перечисляя затем наиболее выдающихся лиц из сефевидской знати, погибших во время похода, Искандар Мунши заканчивает этот перечень словами: «Наконец, из каждого племени и из каждого рода погибли люди, [однако] от многословия воздержимся, ибо язык калама вытянулся бы от [их] перечисления» [3, с. 436].

Едва ли приходится подозревать придворного сефевидского историографа в стремлении преувеличить потери, понесенные шахской армией. Правда, трудно определить их точное число, но несомненно, что они были очень велики. Это можно заключить хотя бы из следующего: еще в период пребывания шахских войск перед Балхом две трети их, как мы видели, в той или иной степени выбыли из строя;

во время отступления шахские войска продолжали нести большие потери от болезней, трудностей пути и сражений. При этом потери были столь велики, что понадобился особый приказ шаха, предписывавший хоронить всех умерших. Эта мера была предпринята с целью не дать узбекам возможности определить весь размер потерь, которые несла шахская армия во время отступления из-под Балха. Кроме того, вся артиллерия — до 300 пушек — была, по видимому, брошена во время этого отступления.

Не меньшая неудача постигла шаха Аббаса в политическом отношении. Как мы видели, он приложил немало усилий для привлечения на свою сторону населения Балхской области. Об этом достаточно ясно говорит сам факт, что вся операция против Балха велась шахским правительством под флагом борьбы за поддержку прав династии Шейбанидов, о том же свидетельствует отношение шаха Аббаса к населению Андхуда, а также принятая им тактика медленного продвижения к Балху.

Однако все эти действия шаха Аббаса не имели никакого успеха. Как можно судить по источникам, местное население не проявило никакого сочувствия и не оказало никакой помощи шахским войскам.

Убедившись в крушении своих расчетов, шах Аббас круто изменил свое отношение к местному населению. Об этом красноречивее всего свидетельствует судьба, постигшая Андхуд при возвращении кызылбашской армии из-под Балха. Теперь, вопреки прежним заверениям в полной безопасности и неприкосновенности жителей Андхуда, был отдан приказ об их поголовном угоне в сефевидские владения. Искандар Мунши об этом рассказывает следующим образом: «Переписали знатных, благородных людей, казиев, муфтиев и [других] достойных людей из жителей местечка (*касаба*) Андхуд, и было решено [их] переселить в Ирак [Персидский]; каждую семью передали одному из воинов армии, чтобы они перевезли [их] на своих верблюдах в Хорасан и Иран. Вследствие этого в мгновение ока местечко [Андхуд] обезлюдело; большинство женщин и детей [андхудцев] оказалось в плену, мало кто [из шахских воинов] не имел с собой андхудских пленников» [3, с. 434—435].

Средневековые персидские придворные историографы обычно никогда не дерзали осуждать действия своих повелителей; более того, они не считали даже нужным их как-то особо оправдывать. В свете этого представляется весьма характерным тот факт, что Искандар Мунши счел нужным сделать это и попытаться оправдать пленение и угон жителей Андхуда, произведенные по приказу шаха. С этой целью Искандар Мунши после рассказа о судьбе, постигшей андхудцев, пустился в длинные рассуждения на тему о том, что не Сефевиды, а их враги — османские султаны и Шейбаниды — первыми стали захватывать в плен мирных жителей и уводить их в рабство при своих вторжениях в сефевидские владения, причем такие действия он называет «подлым делом» [3, с. 435]. Однако едва ли Искандар Мунши прибег бы к подобного рода рассуждениям с целью оправдать шахские действия в Андхуде, если бы последние в глазах даже

тогдашнего общества не казались бы чрезмерными по своей несправедливости и жестокости.

В то же время приведенные рассуждения сефевидского историка заслуживают внимания и в другом отношении. Как мы видели, в них он приравнивает действия шаха Аббаса в Андхуде к действиям османских султанов и Шейбанидов на сефевидской территории. Этим самым Искандар Мунши лишний раз свидетельствует, что в Балхской области Сефевиды выступали как чужеземные завоеватели — факт, который в конечном счете и обусловил неудачу Балхского похода шаха Аббаса I.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.
2. Джунбади. Равзат ас-Сафавиййа. Рукопись Института востоковедения АН УзССР (Таш.), № 26 (на перс. яз.).
3. Искандар Мунши. Тарих-и аламарай-и Аббаси. Литограф. изд. Тегеран, 1897 (на перс. яз.).
4. Мухаммад-Йусуф Мунши. Тазкира-и Муким-хани. Рукопись Института востоковедения АН СССР (Л.), шифр С 467 (на перс. яз.).
5. Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Барода, 1931 (A h s a n - u t - T a w a r i k h. History of the Safavi Period of Persian History. 15-th and 16-th Centuries. By Hasan Rumlu. Persian text. Vol. 1. Edited by C. N. Seddon. Baroda, 1931).
6. A b o u l G h a z i B e h a d o u r K h a n. Histoire des mogols et des tatars. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. St.-Pbg., 1879.